

ВЛАСТЬ, ПРОДРАЗВЁРСТКА И СИБИРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1921 г.

Предпринята попытка представить суть противоречий между советской властью и крестьянством в контексте идейных установок, социально-экономической политики большевиков и конкретно-исторических условий действительности Западной Сибири и Северного Казахстана. Показан конфликт системы мер государственных заготовок (продразвёрстки) и традиционных интересов и ценностей крестьянства, а также готовность советской власти идти на радикальные меры вплоть до применения оружия и армии в решении революционных задач и продовольственного кризиса. Дан анализ политических настроений крестьян, их отношения к власти, её политике, коммунистам и продовольственным работникам в динамике событий 1920 – начала 1921 г.

Ключевые слова: советская власть; коммунисты; конфликт; крестьяне; продразвёрстка; политические настроения.

Восстание 1921 г. в Западной Сибири и Северном Казахстане отражало остроту противоречий между властью и крестьянством, сложившихся в послереволюционные годы в Советской России: взаимное недоверие, противоположность интересов, целей и социальных ценностей, форм организации хозяйства, непримиримость в вопросах контроля и распределения произведённой сельскохозяйственной продукции. В силу этого конфликт советской власти и крестьянства был объективным и неизбежным, а борьба – ожесточённой и беспощадной.

Стратегический курс большевистского правительства заключался в построении нового общества, экономики, государства, права и культуры, социалистических по своему характеру и содержанию. Строительство социализма в непризнанном и политически изолированном государстве, в условиях крайней финансовой нужды, экономического кризиса и социального противостояния, требовало от правительства большого напряжения сил, продуманной и последовательной системы мер. На VII Всероссийском съезде Коммунистической партии в марте 1919 г. В.И. Ленин чётко указал, что партия большевиков стремится «создать прочные основы коммунистического общества». На том же партийном съезде, выступая с докладом «О новой программе, ее основе и сути», Н.И. Бухарин высказался вполне определенно: «...у нас должна быть программа осуществления социалистического, коммунистического строя... у нас социализм или коммунизм не являются путеводной звездой, которая из туманных облаков светит нам издалека. Социализм стоит у нас в порядке дня» [1. С. 3, 34, 35]. Отмена частной собственности и огосударствление средств производства, земли и производимой сельскохозяйственной и промышленной продукции в стране составляли ядро начавшихся социалистических преобразований в экономике. Особенное внимание уделялось мелкотоварному крестьянскому производству. В постановлении ВЦИК от 14 февраля 1919 г. говорилось, что «на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающие» [2]. Будущее в организации сельского хозяйства коммунисты видели за колхозами и совхозами.

Крестьянское хозяйство, в соответствии с идейными установками большевиков, таило в себе опасность для социалистической революции, так как слу-

жило постоянным источником воспроизводства сельской буржуазии и других мелких собственников, что в корне не отвечало планам партии на будущее страны. Н.И. Бухарин прямо заявлял: «Кулачество представляет класс, который должен был сменить помещика... Оно является классом, который по самой своей природе смертельно враждебен всем попыткам социалистической организации земледелия... кулачество до полной своей ликвидации неизбежно должно выступать в качестве непримиримого врага пролетарского государства» [3. С. 270]. Борьба с кулачеством как классовым врагом виделась через разжигание классовой ненависти и гражданской войны между беднейшим и богатой частью крестьянства [1. С. 21, 27, 72]. Классовая позиция Советского государства была определена как «теснейший союз и полное слияние с деревенской беднотой, уступки и соглашение со средним крестьянством, беспощадное подавление кулаков...» [4. С. 42].

Средством разрешения социально-экономических и политических задач стала система государственных заготовок, введенная с января 1919 г. Продразверсткой полагалось достичь нескольких целей: 1) обеспечение продовольствием городов и армии (и этим обеспечить устойчивость политической власти); 2) экспортирование хлеба и накопление валютных денежных средств; 3) перераспределение налогового бремени на плечи зажиточных крестьян (кулаков и середняков) и нивелирование социальных различий в деревне; 4) государственное контролирование продукции крестьянского мелкотоварного производства; 5) внедрение социалистических форм организации сельскохозяйственного производства (колхозов); 6) распространение в деревне революционных социалистических идей. Проводниками этой политики на местах выступили коммунисты, рабочие продовольственные вооруженные отряды, организуемые Компродом, и Красная армия.

Сибирское крестьянство имело некоторые отличия от центрально-российского крестьянства, отмеченные большевиками. Представители политуправления и ЦК РКП(б) в Сибири Н.К. Наумов и Н. Островский заметили следующее: «Крестьянство Сибири лучше назвать не просто трудовым, а крепким закоренелым крестьянством... Крестьяне в Сибири в огромной массе своей являются однородными, не подразделяе-

мыми на бедняков, середняков и кулаков, а просто зажиточными» [5]. Особенно поражали большевиков «мелкособственническая психология» и отсутствие острых социальных противоречий в сибирской деревне. Очевидец событий тех лет отмечал: «Сибирский середняк гораздо более, чем русский, привык слушаться и уважать мнение кулака, особенно потому, что объектом для эксплуатации был не сосед-крестьянин, а пришлый батрак или инородец-киргиз» [6. С. 27].

В 1920 г. имели место факты проявления крестьянской солидарности граждан одного села, разделенных властью по принадлежности к различным социальным слоям: «На сходах крестьяне отказываются выяснить излишки у зажиточных крестьян, мотивируя тем, что в прошлом году зажиточными крестьянами хлеба было засеяно мало, а у остальных середняков тоже излишков не имеется» [7]. Приходилось учитывать также то обстоятельство, что от Октябрьской революции сибирское крестьянство не получило практически ничего в сравнении с российским крестьянством, которое обрело землю в результате ликвидации помещичьего землевладения [8. С. 7]. При проведении продовольственной политики принималось во внимание обстоятельство, что данный регион России аграрный и рабочий класс по своей малочисленности не может составить социальной опоры власти [9. С. 18, 19]. Подавляющее большинство рабочих (92%), по данным на 1913 г., было сосредоточено в Европейской части страны [10. С. 193].

Крестьянин не являлся социалистом по своей природе, что понимали большевики, подчеркивая двойственность его психологии – собственника и труженика. Как в Центральной России, так и в Сибири сельским гражданам были присущи традиции взаимопомощи, коллективного отстаивания интересов сельского общества, идеи социальной справедливости. Под последним понималось не социальное равенство, а право каждого крестьянина обрабатывать землю, пользоваться пастбищами и лесными угодьями в том количестве, которое необходимо для ведения хозяйства и его существования (выживания). Справедливость устанавливалась с помощью общинных переделов. В Сибири свободный труд на свободной земле существовал веками, став основой складывания «собственнической психологии» местного крестьянства. Крестьянин работал на себя, свою семью, выплачивая государству налоги. Идеи коммунистического труда с обобществлением сельхозинвентаря, рабочего скота, «общим» (совместным) трудом на государство с гарантией получения необходимых материальных благ не только не отвечали, но и противоречили традиционным представлениям и ценностям крестьян. Пропагандируемые и вводимые социалистические формы хозяйствования не приняли ни сельское население Центральной России, где достаточно сильны уравнивательные устремления крестьян, ни крестьяне Сибири. На заседании ВЦИК в феврале 1919 г. подчеркивалось, что «к коммуне крестьянство относится довольно не дружелюбно» [1. Л. 21]. Насколько широко охватила сельское население коллективизация, говорят следующие данные: к концу 1920 г. коллективные

формы ведения хозяйства охватили 0,5% всех хозяйств [11. С. 61]. Газета «Советская Сибирь» в феврале 1921 г. в статье «Скользкий путь» сообщала о попытках крестьян – рабочих совхозов не сдавать часть продукции собственного потребления, предназначенной по развёрстке государству. Крестьяне упорно обзаводились собственным скотом, птицей и огородами. С позиции революционной власти, создававшей новый экономический строй, действия крестьян, ставших уже рабочими совхозов, квалифицировались как «антикоммунистические, ведущие не к организации крупного социалистического хозяйства, а к его разрушению...» [12. С. 1]. Крестьяне не принимали новые формы организации труда и образа жизни.

Мероприятия по созданию коммун, колхозов и других форм социалистического хозяйствования, антирелигиозная пропаганда, агитация среди молодежи по вступлению в комсомол вызвали немало пересудов, страхов, смятения и недоверия у крестьян. Идеи нового образа жизни, призывы к коммунистическому ведению хозяйства не имели успеха и были отвергнуты в целом сибирской деревней.

Политические выборы, проводимые на местах в советы из года в год, показывали неизменный результат – поражение коммунистов, победу беспартийных зажиточных и средней руки крестьян. В конце 1919 – начале 1920 г. после выборов в Советы Омская печать в феврале 1920 г. констатировала: «...волисполкомы были кулацкого состава и перевыборы их были безнадёжны» [13. С. 4]. За два года Советской власти в Сибири коммунистам не удалось закрепить свои позиции на этом властном уровне. По результатам избирательных кампаний 1921 г. члены РКП(б) в Советах насчитывали не более 1,5–2% [14. С. 58].

В условиях революционного времени и революционного энтузиазма профессиональные революционеры, лица, разделявшие революционные идеи, а также неидейные малообразованные и малокультурные попутчики революции всю систему мер, проводимую в деревне, рассматривали как борьбу, в том числе борьбу на продовольственном фронте в условиях Гражданской войны. Понимая очевидность недовольства крестьян продовольственной политикой, рост пассивного (ходатайства, телеграммы в государственные органы, самогоноварение и др.) и активного протеста, советское правительство, а за ним и местное руководство, тем не менее, не отступили от стратегической линии и не изменили объёмов государственных заготовок сельскохозяйственной продукции в деревне. ЦК РКП(б) в письме ко всем губпродкомам РКП(б), опубликованном 4 сентября 1920 г., императивно требовал: «Указание развёрстки является для губпродкомов безоговорочным боевым приказом. Никакие отступления и задержки во взимании развёрстки ни под каким предлогом не могут быть допущены... развёрстка, данная на волесть, уже является сама по себе определением излишка и выполняется населением за круговой ответственностью. Всякого рода переучеты воспрещаются» [15. С. 178–179].

По данным исследования А.Г. Введенской, план развёрстки был завышен практически в два раза. Мак-

симальное количество хлеба, которое представлялось возможным вывезти в Центр, составляло, согласно мнению Сибирского экономического совещания, 60 млн пудов. По разверстке Сибирь обязывалась поставить государству 110 млн пудов. Мясная, масляная разверстки также являлись заведомо непосильными для крестьянского населения [16. С. 68–69]. Таким образом, для выполнения задания Центра должны были изыматься как излишки, так и часть необходимого продукта. Для осуществления такой установки во власти требовались люди идеологически стойкие и готовые к жёстким средствам и способам проведения политики партии.

Для сибирского крестьянства политика Советского государства была неожиданным и сокрушающим ударом, уничтожающим прежние многовековые отношения с властью. Сформировавшееся в ходе колонизации и освоения суровых природных пространств крестьянство Сибири всегда осознавало могучую поддержку Российского государства. Захватывая свободные земли под пашни и луга под пастбища либо отнимая их в ходе переселения у автохтонного населения (казахов, алтайцев и др.), русский мужик мог быть уверен, что государство его не оставит без помощи. Крестьянская колонизация как фактор исторического развития, подчеркнутый ещё В.О. Ключевским, расширяла границы и могущество империи, была способом решения проблемы аграрной перенаселённости и малоземелья Центральной России и Украины, и она же показывает нам взаимовыгодную связь и отношений крестьянства и государства на протяжении столетий. Крестьянство было обязано государству поддержкой (политической, юридической, материальной, военной), а государство крестьянству – новыми освоенными территориями. Сибирские крестьяне были той социальной силой, которая продвигала его интересы, выступало социальной опорой, проводником имперской идеи. Крестьянство, составлявшее свыше 80% населения страны до революции 1917 г., несмотря на существовавшие социально-экономические, культурные проблемы и противоречия, не рассматривалось государством как сила, угрожающая его существованию или враждебная ему.

Большевики, придя к власти, диаметрально изменили статус сибирского крестьянства: из союзника государства оно стало его классовым врагом, таившим угрозу социалистическим преобразованиям в Советской России. Сформированное в результате революции социалистическое государство устанавливало новый формат отношений, основанный на антагонизме к крестьянству как классу и полном контроле над производственной, политической и культурной жизнью в деревне. Мелкотоварное крестьянское хозяйство досоветской России, составлявшее основу её экономического строя, в РСФСР должно было исчезнуть в ближайшей перспективе. Заменой ему выступали полное огосударствление земли и создание крупных коллективных хозяйств. Стратегический замысел большевиков был ясен. Тактика обозначена публично официальным руководством страны – разжигание классовой ненависти внутри деревни. Однако что оказалось возможным в Центральной России, в

Сибири не могло быть реализовано из-за относительной социальной однородности крестьян. Рабочий класс полугодных и голодных городов страны, из которого создавались продовольственные отряды, а также Красная Армия Советской республики, стали орудием пролетарского государства в Сибири. Развёрстка – та часть политики военного коммунизма и система мер выхода из продовольственного кризиса, которая устанавливала новый порядок отношений власти и крестьянства.

Продразвёрстка ломала существовавшую до революции и привычную для крестьян систему налогообложения. При царском режиме уплата всех податей (без натуральных повинностей) составляла 3% от валовых расходов, а все платежи крестьян составляли по отношению к доходности хозяйства в среднем 22,4%. Налоги и повинности для сибиряков не были обременительны, а свободная торговля – обычным явлением их жизни. Теперь в связи с введением развёрстки тяжесть налогообложения увеличилась многократно. Требовалось сдать государству порядка 70% излишков сельской продукции [17. С. 191, 218]. Если учесть ещё и дополнительные повинности (подвозка дров, мобилизация подвод, людей и др.), то государственные обязательства стали обременительными и разорительными для крестьян. Сами крестьяне воспринимали развёрстку как ненормальное и нетерпимое явление. На коммунистов, проводников этой политики, смотрели враждебно и называли их «грабителями и разбойниками» [5. Ф. 17. Оп. 12. Ед. хр. 675. Л. 10; Оп. 65. Ед. хр. 374. Л. 18]. В Сибири за короткий период (январь–февраль 1920 г.) проведения продовольственной политики Советской власти в крестьянской среде сложилось устойчивое мнение: в «Советской России много несправедливого» и «правительство не идет им на встречу ни по одному вопросу» [13]. В 1920 г. в майском докладе Омского ЧК сообщалось: «Настроение к Советской власти враждебно... особенно враждебно отношение к коммунистам» [5. Оп. 1. Ед. хр. 2618. Л. 3].

Враждебность и постоянное недовольство со стороны крестьян не останавливали власть, усиливая напряжение в отношениях государства и деревни. Города центральной России испытывали острую нужду в продовольственных товарах, в первую очередь в хлебе, а деревня отказывалась их поставлять вне договорных отношений с государством. За годы Первой мировой войны, революции и в условиях Гражданской войны процесс натурализации хозяйства страны усилился. Доходы государственной казны за период с 1914/15 до 1919 г. упали в 40 раз [18. С. 175]. У государства не было денег для организации закупок сельскохозяйственной продукции у крестьян по твердым ценам. В условиях усиливающейся натурализации и дезорганизации хозяйства правительству, в свою очередь, почти ничего было предложить из промышленных товаров в обмен на сельхозпродукцию, либо обмен был неравнозначным. Из отчета продработника Тибиской волости Омской губернии следовало, что крестьяне крайне возмущены высокими ценами на промышленную продукцию и сравнительно низкими на хлеб и масло. В сообщении члена продот-

ряда Чановского района за период с 1 апреля по 1 мая 1920 г. сообщалось: «Продукты подвозятся, но медленно и неохотно. Крестьяне и слухать не хотят более никаких докладов, говоря: «Вы с февраля месяца обещали, что скоро придут необходимые товары... Но до сего времени почти нет ничего... А между прочим, из-под полы купляем спички 1 коробок по сорок рублей. Значит, как же мы будем сдавать хлеб дешевле коробка спичек» [7. Л. 15, 16, 17 об.].

Положение на местах было известно Центру, но политическая линия правительства оставалась неизменной и бескомпромиссной. Советская власть была готова идти до конца, как в разрешении продовольственного кризиса, так и в решении поставленных ею социальных и политических задач в деревне. В 1919 и в 1920 гг. в различных частях Советской России крестьяне поднимали восстания. По неполным данным за 1919 г. в центральной части страны вспыхнуло 34, а в Поволжье – 46 крестьянских восстаний. За период с января по апрель 1920 г. на территории центральной части и в Поволжье произошло (по неполным данным) 17 крестьянских выступлений [19]. В мае 1920 г. случилось одно из крупных восстаний в Западной Сибири. Оно охватило зажиточные районы Алтайской и Томской губерний [5. Оп. 1. Ед. хр. 2618. Л. 6 об.]. В середине мая 1920 г. Федосеевскую волость Тюменской губернии охватили крестьянские волнения [5. Оп. 1. Ед. хр. 2618. Л. 5 об.]. В июне 1920 г. восстания вспыхнули в Омской, Томской и Алтайской губерниях [20. С. 263, 271, 297]. Все они были направлены против продовольственной политики. Наиболее массовые крестьянские выступления произошли в хлеботорговых районах Алтайской губернии в июне 1920 г. Одно за другим последовали восстания сначала южнее Славгородского уезда под руководством партизанских командиров Плотникова, Кожина, Смолина, а затем – в районе Славгород–Рубцовск–Семипалатинск. Численность «Народной повстанческой армии» насчитывала (по различным данным) до 10–16 тыс. человек. Одновременно бушевала крестьянская стихия в Новониколаевском, Томском уездах Томской губернии (Колыванское восстание). Во второй половине июля вспыхнуло четвертое наиболее крупное антисоветское выступление в Алтайской губернии: поднялись казаки, крестьяне Бийского и Змеиногородского уездов Бухтарминского края. Повстанческая армия под руководством белых офицеров насчитывала 1,5 тыс. человек [21. С. 96–97]. Никогда еще в истории Сибири отношения между государством и крестьянством не складывались столь трагически, что могли привести к массовым социальным протестам и кровопролитию [22].

Крестьянские восстания в Западной Сибири, как и в других регионах Советской России, с позиции рассмотрения их с идеологической стороны, определенно имели сходство – антикоммунистическую направленность. Это сходство прослеживается в единстве мнений крестьян Центральной России, Поволжья, Урала, Западной Сибири в восприятии продовольственной политики и методов ее проведения. На общность в оценке политики государства указывают лозунги, воззвания повстанцев, сведения из телеграмм-

ходатайств, направленных в СНК и лично В.И. Ленину из Тамбовской, Курской, Орловской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Казанской, Уфимской, Вятской, Смоленской и других губерний страны за период с января по июль 1920 г. Телеграммы пронизаны просьбами снять или уменьшить норму разверстки на село или волость, «спасти от голода и смерти», «загладить, устранить несправедливость к трудовому крестьянству», «назначить справедливую, правильную реквизицию», «защитить от произвола и насилия» [2. Ф. 130. Оп. 4. Ед. хр. 454. Л. 8; Ед. хр. 547. Л. 1, 32, 33, 70, 74, 89, 90; Ед. хр. 548. Л. 10, 21]. В некоторых телеграммах законность действия власти крестьяне подвергали сомнению: «...в праве ли власть так поступать с трудовым крестьянством», «имеет ли право отряд отбирать весь хлеб» [2. Ед. хр. 547. Л. 14; Ед. хр. 548. Л. 3].

Опыт проведения разверстки в Западной Сибири и Северном Казахстане в 1919 – первой половине 1920-х гг. указывал на высокую вероятность массового недовольства и вооруженного сопротивления со стороны крестьян других губерний, уездов и волостей. Поэтому центральной властью были приняты военно-организационные меры для подготовки «решительного наступления» на сибирскую деревню летом–осенью 1920 г. Продовольственная армия в Сибири к концу мая 1920 г. насчитывала 1 036 штыков [23. С. 36, 38–39]. Согласно декрету Совнаркома от 20 июля 1920 г. планировалось направить до 20 тыс. человек, организованных в уборочные дружины из числа голодающих крестьян и рабочих европейской части России. В Омскую губернию на протяжении сентября прибыло продовольственных и уборочных отрядов численностью до 5 тыс. человек. По данным Т.И. Галкиной, за период с 1 сентября по 1 октября 1920 г. в Сибирь прибыли 12 446 членов продовольственных и уборочно-молотильных отрядов [24. С. 12]. Каждый уезд, поделенный на районы из 4–5 волостей, имел определенное количество штыков и сабель. По неполным данным из сводок и ведомостей некоторых уездных продкомитетов вооруженные силы, находящиеся на продовольственной работе, с 15 октября были распределены следующим образом (таблица).

Численность вооруженных сил по Омской губернии на 15 октября 1920 г.

Уезд	Вооруженные силы, чел.	Количество штыков	Количество сабель	Количество пулеметов
Петропавловский*	661	–	–	–
Кокчетавский	189	169	–	–
Акмолинский	493	374	58	3
Тарский	220	104	–	–
Омский **	578	–	–	–

Источник: ЦДНИОО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 197, Л. 6, 9, 10, 19, 71, 75.

Примечания. * На 1 сентября 1920 г. ** Данные по двум районам: Иртышскому и Исылкульскому.

Таким образом, Советское государство при решении сложных социально-политических и экономиче-

ских вопросов последовательно шло на использование силового давления, конфронтацию и даже вооруженный конфликт с широкими массами крестьянского населения Западной Сибири и Северного Казахстана.

В сентябре 1920 г. под удар попали в основном зажиточные и крепкие хозяйства, составлявшие более половины всех хозяйств. По данным исследователей, удельный вес кулаков в 1920 г. составлял 7–18%, середняков – 32–49%, бедняков – 33–56% [25. С. 7]. Политика власти в отношении бедняков и семей красноармейцев в некоторой степени повлияла на умонастроения бедноты, часть которой под влиянием идеологии политики военного коммунизма удалось перетянуть на свою сторону. Забота Советской власти в форме обеспечения хлебом, скотом, рабочими лошадьми, а также коммунистическая агитация и пропаганда на фоне падения жизненного уровня в условиях Гражданской войны в значительной мере способствовали тому, что беднота стала «благожелательна», «сочувственна» к Советской власти. Но данное явление являлось характерным для районов, где Советская власть укрепилась довольно прочно, а точнее в местах скопления войск Красной Армии, вблизи губернских и уездных центров, в местах, где были подавлены крестьянские восстания. Подобные настроения замечены в Омской, Тюменской губерниях, а также в Новониколаевском, Щегловском, Кузнецком уездах Томской губернии [7. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 16 об.].

Продовольственные отряды обеспечили психологическое, силовое и вооруженное воздействие на крестьян, практически не ограничиваясь в способах и методах развёрстки. Идеинные установки партии большевиков в значительной степени определили бескомпромиссность и безжалостность выбора этих средств и методов. С октября 1920 г. в соответствии с Циркуляром Кассационного трибунала от 16 октября 1920 г. к сбору сельскохозяйственной продукции по продовольственной развёрстке были подключены революционные трибуналы – карательные органы, активно применявшие методы принуждения и находившиеся под контролем продорганов и РКП(б).

По данным исследования М.С. Пивоварова, деятельность создаваемых с этой целью подсессий ревтрибуналов не регламентировалась отдельными нормативными правовыми актами. Ревтрибуналы действовали против крестьян – неплательщиков развёрстки, самогонщиков, спекулянтов, сельских и волостных советов, затягивавших выполнение продовольственного задания Центра. Следствие и судопроизводство проходили по упрощённой процедуре – без присутствия сторон и без свидетелей. Законодательство в условиях революционного времени не имело большой значимости [26. С. 20–21].

Ревтрибуналы руководствовались требованием Центра – выполнить развёрстку в срок, революционной законностью, революционной совестью и классовым принципом. Приговоры, выносимые ревтрибуналами, таким образом, основывались на презумпции виновности. Деятельность ревтрибуналов преследовала цель не только наказать виновных лиц перед Советской властью, но и предупредить население о наступлении возможных юридических последствий: от условного нака-

зания до расстрела, от лишения свободы на несколько месяцев до 20 лет [26. С. 20].

В агитационных материалах Омского губпродкома, в которых обращались к крестьянскому населению, говорилось, что «высокие цели коммунистической революции требуют больших жертв» [27. С. 6]. Активно применялись конфискации имущества, наложение ареста и «наказания» за противодействие разверстке. Распространённым средством в Западной Сибири и Северном Казахстане в ноябре–декабре 1920 г. стало оказание давления на крестьян посредством круговой ответственности общества и волости. Тюменская пресса в статье «Конфискации одних отрезвляют других» с торжеством отмечала эффективность этого метода: «Наложение наказания произвело самое отрезвляющее впечатление на крестьян Каменской волости. На село Калинку разверстка наложена в двойном размере. И она проходит успешно» [28. С. 2]. 3 декабря 1920 г. за подписью председателя губернского ЧК тов. Студитова, губпродкомиссара Инденбаума, а также в соответствии с решениями Ишимского и Ялуторовского политбюро, вышел приказ о немедленном аресте «всех без исключения кулаков» восьми волостей Ишимского и шести волостей Ялуторовского уездов. В Приказе указывалось, что они берутся в заложники до выполнения разверстки Ишимским и Ялуторовскими уездами целиком [28. С. 2; 5. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 1186. Л. 6; Оп. 2. Ед. хр. 675. Л. 211].

СНК ответственность за результаты развёрстки возложил на местные органы власти от Сибревкома до волостных и сельских советов. И представители власти, и сельское население были поставлены в жесткие рамки: невыполнение разверстки грозило заключением в концлагерь, лишение имущества и земельных наделов [29. С. 289]. 12 сентября 1920 г. Омский губпродком издал приказ, согласно которому, «у лиц, не выполнявших разверстки и замеченных в вольной продаже хлеба, также у лиц, уклоняющихся от выполнения разверстки, все хлебные продукты реквизируются без оставления годовой нормы для нужд семьи и хозяйства». Жестокая десница революции не щадила даже коммунистов и советских работников. В нормативном документе предписывалось: «За медленное выполнение хлебной и сеной разверстки и бездеятельность... председателей волостных и сельских исполкомов... ожидает немедленный арест и предание суду» [7. Ед. хр. 192. Л. 60]. Местные органы власти и крестьянское население, таким образом, были обречены на продовольственную разверстку и её полное выполнение. Тюменские «Известия» очень метко заметили: «Крестьянство, очевидно, поняло необходимость и неизбежность государственной заготовки и разверстки на хлеб» [28. № 217. С. 1].

Отказы выполнять разверстку, просьбы о продлении сроков сдачи сельской продукции, мотивированные слишком высокими ставками, неурожаем или неподходящими погодными условиями, рассматривались губпродкомиссарами как саботаж и сознательное противодействие проводимой политике. Ненадежные в плане выполнения развёрстки советы и волисполкомы ликвидировались. Вместо них создавались ревкомы.

По имеющимся сведениям, в ноябре-декабре 1920 г. прошли аресты сельсоветов в их полном составе в Каменской, Теплодубровской, Рожевской и других волостях Тюменской губернии [5. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 1186. Л. 6; Оп. 2. Ед. хр. 675. Л. 211].

Губернская, а вслед за ней и уездная власть на местах руководствовалась целью «выполнить разверстку во что бы то ни стало полностью». Настрой коммунистов успешно разрешить все задания губпродкома «так или иначе» прослеживается в докладах с мест на Первой Омской губернской партийной конференции [28. С. 2; 5, Ф. 17. Оп. 12. Ед. хр. 352. Л. 85, 86]. В Тюменской губернии, в Ишимском уезде, во второй половине ноября 1920 г. стал распространенным почин выполнения разверстки в 48 часов. Погоня за процентами, революционная одержимость и бесконтрольность действий продработников привели к утверждению метода насилия как основного при выкачке продовольствия. Изъятие хлеба, составлявшего норму потребления крестьян, а также зерна, предназначенного для весеннего посева, стало сутью продовольственной разверстки, а угроза голода, голод, разорение крестьянских хозяйств и накопление чувств социальной несправедливости и недовольства властью — её неотъемлемыми характеристиками. Методы разверстки, поведение продработников и резкое падение жизненного уровня, бессилие крестьян изменить сложившееся положение привели к накоплению социального и политического протеста.

Продовольственных работников в массе своей составили люди определённого социального и психологического типа. В основном это были прибывшие из голодающих губерний России рабочие, малокультурные и малообразованные. Вкупе с оружием и мандатом они получали право на власть с чрезвычайными полномочиями. Идеологически настроенные на подавление, в условиях сравнительно (с центрально-русским регионом) высокого уровня жизнеобеспечения и сопротивления разверстке сельских обществ продработники смотрели на крестьян как на классового врага, что объясняет их действия и ответную реакцию сельского населения Сибири в отношении продовольственных работников. Это подтверждается конкретными фактами. Приведём некоторые из них. В одном из множества сообщений информаторов говорилось, что на ст. Марьяновка Омской губернии крестьяне подали заявление в райпродком о необходимости принятия срочных мер к устранению тов. Кутузова, «который производит самочинные обыски и аресты...ему должно обращаться с крестьянами вежливо». По мнению агента ЧК, «если мы так будем делать, то крестьяне будут смотреть на нас как на врагов» [7. Ед. хр. 198. Л. 55].

В ноябре-декабре 1920 г. по Тюменской губернии прокатилась волна убийств продовольственных работников. Один из участников подавления Западно-сибирского мятежа, замвоенкома ВОХР, Кутанов вспоминал: «Первая кулацкая война стала проводиться против продинспекторов, а потом...вырезались целые семьи тех, кто не был занят хлебопашеством, а проживал в деревне... Около 20 декабря 1920 г. до Ишима докатилась волна диких кулацких расправ от

старого до малолетнего ребенка...» [7. Ф. 1818. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 17 об.].

Советская власть приняла меры для пресечения подобных действий крестьян. И это не выражалось в расследовании обстоятельств конкретного дела и решениях суда. Без колебаний были введены безжалостные виды наказания для крестьян. Согласно приказу Реввоенсовета 1-й Армии Труда за убийство продовольственного агента на местах должны были «брать заложников из среды кулацкого населения, часть их расстреливать; увеличивать разверстку в 1½ раза в волостях, где произошло убийство» [27. С. 2]. Жестокость власти возымела действие: разверстку выполняли все категории крестьянского населения, не задавая вопросов о масштабах и целях государственных хлебозаготовок, поскольку под удар попали не только богатые и среднезажиточные крестьяне, но и бедняки. В сообщениях, поступавших в Тюменский губернский комитет партии, говорилось, что «бедняки и середняки-крестьяне смотрят на нас сквозь пальцы...» [5. Ф. 17. Оп. 12. Ед. хр. 1186. Л. 7], «отношение среднего, беднейшего крестьянства к Советской власти последнее время резко изменилось, из благожелательного сделалось оппозиционным, местами враждебным...» [Там же. Ед. хр. 675. Л. 144 об.].

Следствием выполнения государственных заготовок, а также неурожая стало не только разорение крестьянских хозяйств, но и голод. Уже в середине ноября 1920 г. проявились его первые симптомы в Тюменской губернии, вызванные в значительной степени масштабами продовольственных мероприятий. Так, крестьяне одной из деревень Пегановской волости обратились в уездное политбюро с просьбой «рассмотреть их дело, так как уполномоченный губпродкомом... реквизирует весь хлеб... Теперь у нас дети остались голодными и нет хлеба ни крошки...» [Там же. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 1186. Л. 7]. В Омской губернии по сведениям, поступившим в губпродком, еще в июле 1920 г. из-за неурожая крестьяне беспокоились, «как они будут питаться зимой» [7. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 675. Л. 40]. Надежным подспорьем в такой ситуации являлись запасы урожаев прошлых лет, но они подлежали разверстке. Крестьяне всячески пытались сохранить хлеб, чтобы обеспечить выживание общества. По этой причине свой протест выразили сельские жители Любинской волости, волисполком которой наотрез отказался вывозить хлеб, перераспределив его между членами сельского общества [Там же. Ед. хр. 181. Л. 17, 23].

По различным данным, потребность населения в хлебе в 1920–1921 гг. составляла от 17,2 до 25 пудов на душу населения [30. С. 72–73]. Но в действительности в связи с проведением продовольственных мероприятий и неурожаем выходило иначе. Так, например, по Тюменской губернии, согласно приказу губпродкома за № 1760/а, норма потребления составляла 8–9 пудов хлеба на едока. Подрыв жизнеобеспечения сельского населения, угроза голода, вероятность незасаженных полей — все это касалось жизненно важных интересов крестьян.

Для многих крестьян положение выглядело удручающим, некоторые находились в подавленном со-

стоянии. Вот как описывалось эмоциональное положение крестьян Рожовской волости Тюменской губернии в сообщении народного судьи в Ишимское политбюро: «Граждане со слезами на глазах, страшаясь вооруженной силы, безропотно выкачивают свой хлеб и даже захватывается норма потребления...» [5. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 1186. Л. 5, 6]. Однако психологический надлом иногда оборачивался вспышкой насилия людей, доведенных до отчаяния. В той же Тюменской губернии в Безруковской, Кромышловской, Сорокинской, Уктузской волостях произошли столкновения «на продовольственной почве», в результате имелись человеческие жертвы со стороны сельских граждан [Там же. Оп. 12. Ед. хр. 675. Л. 144 об.].

Цели развёрстки были достигнуты: государство контролировало реализацию сельскохозяйственной продукции, выполнение повинностей, социально-политическую ситуацию на местах и нанесло удар по зажиточному крестьянству. Известный продработник Сибири А. Свидерский охарактеризовал продовольственную работу следующими словами: «Торжество государственных заготовок над частными и победа развёрсточного принципа получили свое наиболее яркое выражение в заготовительную кампанию 1920–1921 гг., когда развёрстка была распространена на все продукты сельского хозяйства, в том числе и на сельскохозяйственный спрос... и когда государству удалось сосредоточить в своих руках максимальное количество продуктов» [31. С. 21]. Удалось достичь ещё одной цели – создания относительно однородной структуры сибирского крестьянства. Данное положение в некоторой степени подтверждается словами одного из продовольственных работников Сибири: «Мы уже постарались и в Сибири сделать такими крестьян, как и в России» [7. Ф. 150. Оп. 1. Ед. хр. 531. Л. 40].

Несмотря на сильное давление и непоколебимость позиции власти в продовольственном вопросе, отдельные крестьянские общества пытались добиться уступок со стороны государства. В сложившейся ситуации в масштабах продразвёрстки и хамском поведении продовольственных работников крестьяне часто винили местные власти, поэтому отправляли ходоков в центральные государственные органы. Так поступили крестьяне Тюменской губернии, не найдя иного выхода, стали «организованным порядком» посылать ходоков в Центр, в Москву. В своём письме крестьяне Голышмановской волости обращались от имени всего сибирского крестьянства. Важным, на наш взгляд, видится признание крестьянами обязательности выполнения государственных повинностей, обещание выполнить государственные обязательства: «отложить государству с урожая, за нами не станется». Письмо содержало объяснения необходимости остановить требуемое выполнение повинностей: «взято все, не говоря про излишки», «мы потеряли надежду. Не имеем посевного хлеба. Каждый крестьянин без семян считает себя обречённым на гибель». Их цель и просьба – «спасти сибирское крестьянство от произвола, который творится здесь», остановить государственную машину развёрстки. Политика советского правительства, проводимая в деревне, в глазах крестьян получила оценку «произвола». Из письма

нам видны безысходность крестьянских обществ и наивные надежды крестьян на Центр [5. Ф. 78. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 28].

Однако развёрстка в декабре 1920 – январе 1921 г. только усилилась. К уже применяемым способам и методам (запугивание оружием, круговая ответственность, взятие крестьян заложниками в уплату и выполнение повинностей и др.) добавились новые – предупреждающие и исключаящие вероятную протестную реакцию крестьян в формах отказов в выполнении развёрстки и восстаний. К таковым относились: запрещение отправлять делегации с ходатайствами, арест и принудительный труд за невыполнение плана развёрстки; в случае восстания – сожжение всей деревни. Фактическое подтверждение мы находим в приказе Уездной Чрезвычайной Тройки (Ишимский уезд Тюменской губернии) 31 декабря 1920 г.: «...всякая посылка ходоков, делегаций с ходатайствами... об уменьшении развёрсток... воспрещается. В противном случае они будут арестовываться и направляться на принудительный труд». 1 января 1921 г. по приказу Ишимского исполкома «во всех случаях обнаружения скрытого хлеба у одного гражданина... следовало конфисковать таковой у всего общества, не считаясь ни с какими мерами». В соответствии с боевым приказом одного из продуполномоченных, следовало, что на случай «если в каком-либо обществе будут делать восстание... вся деревня будет спалена». Аресты, расправы над сельским населением, конфискации хлеба, скота, имущества со стороны продовольственных работников приобрели массовый характер. Целые села и деревни остались разорёнными. Эмоционально-психологическое состояние крестьян характеризовалось в докладной записке в ЦК РКП(б) о работе продовольственных органов в Ишимском уезде следующим образом: «население было доведено до того, что не знало, что делать, собиралось в курени, дабы быть посмелее, и испросить каких-либо пояснений у продработников. Но их разгоняли, как якобы повстанцев, производили стрельбу по толпе. Были случаи убийства и ранения людей» [5. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 1186. Л. 3, 4]. Очевидно, что продработники пытались посеять страх и подавить любое проявление недовольства, даже мнимое. Такое положение вещей говорило в пользу готовности местной власти применить в любой момент оружие против крестьянского населения и с помощью насилия контролировать ситуацию на местах.

Полное или сверхнормы выполнение развёрстки привело к катастрофическому падению жизненного уровня сельского населения. Норма потребления хлеба была сокращена. Как мы указывали ранее, в Сибири потребность в хлебе в 1920–1921 гг. составляла от 17,2 до 25 пудов на душу населения. В ноябре 1920 г. по Тюменской губернии, согласно приказу губпродкома за № 1760/а, норма потребления была снижена до 8–9 пудов хлеба на едока. В январе 1921 г. в той же Тюменской губернии норма потребления хлеба была сокращена до 1½ пудов на человека [Там же. Л. 5]. Сокращение произошло более, чем в 10 раз.

В целом разорение крестьянских хозяйств, деревень и волостей, голод, унижение и произвол со сто-

роны власти в обеспечение выполнения всех развёрсток обусловили устойчивое отрицательное, ненавистное отношение к коммунистам, продовольственным работникам и власти. Ещё в сентябре 1920 г. население ожидало скорой смены власти, что подтверждается информсводками о политическом состоянии Омской губернии за сентябрь 1920 г. В отчете сообщалось следующие: «...крестьяне ожидают какого-то переворота... В Акмолинском уезде настроение крестьян к Советской власти, к коммунистам и Красной Армии плохое. Крестьяне говорят, что скоро придет «им» конец и «обирать нас не будут» [7. Ф. 1818. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6–9].

В Омской губернии в январе 1921 г. по информации особоуполномоченного губпродкома, отношение населения к власти «и без того обостренное, еще хуже обострилось». В Никольской, Приозерной волостях крестьяне «все ожидают переворота» [7. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 1; Ед. хр. 30. Л. 77]. Политика Советской власти посеяла ожидания её скорого уничтожения. Конфликт достиг своей высшей точки. В январе–феврале 1921 г. начался открытый массовый вооруженный протест – крестьянское восстание в Западной Сибири и Северном Казахстане.

Против Советской власти поднялись крестьяне, казаки, коренное население (казахи, татары). Один из очевидцев событий писал: «В Сибири происходит стихийное восстание крестьян и казаков, во главе стоят последние... все восстали – бедный и богатый...» [5. Ф. 78. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 45].

Восстание было кровопролитным, повлекло за собой большие человеческие жертвы и сопровождалось беспощадной жестокостью с обеих сторон. Большую роль в этом сыграла атмосфера Гражданской войны, которая наложила свою печать на психологию и сознание людей. Насилие, беззаконие, нетерпимость стали частью жизни общества. Жестокость советской власти обосновывалась необходимостью строительства социалистического коммунистического строя. Жестокость повстанцев определялась принадлежностью людей, попавших под их гнев, к Коммунистической партии, сочувствующим коммунистическим идеям и продработникам – всем тем, кто был частью продовольственной политики.

Анализ ситуации на местах показывает, что крестьянство в целом не отказывалось от выполнения государственных повинностей, но не принимало их в объёмах, затрагивающих их жизненно важные интересы, принципы организации хозяйственной деятельности и сбыта сельскохозяйственной продукции. Крестьянство, освоившее огромные просторы в значительной степени благодаря мощи и поддержке Российского государства, по-прежнему нуждалось в его помощи для организации торговли и коммуникаций, сбыта произведённой продукции и кредитования. В условиях революционных перемен в системе привычных отношений с властью крестьяне выступили против неё, выражая свой протест в различных формах, в том числе таких крайних, как массовое восстание в Западной Сибири и Северном Казахстане в 1921 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М., 1954. Ч. I.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 21. Ед. хр. 7. Л. 43.
3. Бухарин Н.И., Преображенский С.Е. Азбука коммунизма. Популярное описание программы РКП(б). Казань, 1920. Вып. 3.
4. Ленин В.И. Товарищи – рабочие! Идем в последний решительный бой! // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39.
5. Российский государственный архив социально-политической истории.
6. Советская власть в Сибири // Жизнь Сибири. Омск, 1920. № 1.
7. Центр документации новейшей истории Омской области.
8. Журов Ю.В. В.И. Ленин о сибирском крестьянстве в 1917–1920 гг. // Красноярский государственный педагогический институт. Ученые записки. Красноярск, 1960. Т. 18.
9. Статистический ежегодник 1922 и 1923 годов. Вып. 5. Т. 8.
10. Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. (Историко-социологическое исследование). М.: Мысль, 1970 – 472 с.
11. Яров И.П. Первые колхозы Сибири (1918–1926 гг.) // Труды Новосибирского института инженеров водного транспорта. Новосибирск, 1960. Вып. 8.
12. Советская Сибирь. 1921. № 34 (403) от 16 февраля.
13. Советская Сибирь. Омск. 1920. № 37.
14. Боженко Л.И., Гагарин А.В. Социально-политические организации в сибирской деревне (1920–1927 гг.). Томск, 1971. 136 с.
15. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. 879 с.
16. Введенская А.Г. Экономическое положение сибирской деревни накануне перехода к новой экономической политике // Труды Иркутского гос. ун-та им. А.А. Жданова. Серия историко-экономическая. Т. XI, вып. 2. Иркутск, 1965.
17. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1966. 471 с.
18. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: Наука, 304 с.
19. Подсчитано на основе информационных сводок отделов губчека, опубликованных в сборнике документов «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: в 4 т. Т. 1: 1918–1922 гг. М., 1998. 864 с.
20. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1: 1918–1922. М., 1998. 864 с.
21. Западовникова А.Г. Борьба с кулацкой контрреволюцией в Западной Сибири в период перехода от гражданской войны к мирному социалистическому строительству (1920–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1969.
22. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А. Крестьянское движение в Сибири (1914–1917 гг.). Хроника и историография. Новосибирск, 1983.
23. Шишкин В.И. Продармия Сибири (1920 – начало 1921 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977.
24. Галкина Т.И. Роль продовольственных отрядов в Омской губернии в разрешении продовольственного кризиса Советской республики (1920–1921 гг.): тез. докл. науч. конф. Омск: Омск. сельскохоз. ин-т им. С.М. Кирова, 1960.
25. Журов Ю.В. Социальная структура сибирского крестьянства в годы революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977.
26. Пивоваров М.С. Революционные трибуналы в Сибири (ноябрь 1919 – январь 1923): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 23 с.

27. Почему издан декрет о Сибирском хлебе. Омск, 1920.
28. Известия Тюменского губернского революционного комитета и губкома РКП (б). 1920. № 266. С. 2.
29. Декрет СНК об изъятии хлебных излишков в Сибири // Сибирский Революционный комитет (Сибревком) (август 1919 – декабрь 1925 г.). Новосибирск, 1959.
30. Вишневский Н.М. Статистика и сельскохозяйственная действительность. М., 1922. 95 с.
31. Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М. : Гос. изд-во, 1922.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2017 г.

POWER, PRODRAZVYORSTKA AND THE SIBERIAN PEASANTS ON THE EVE OF THE UPRISING OF 1921

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 64–73.

DOI: 10.17223/15617793/426/7

Elena N. Burdina, North Kazakhstan State University named after M. Kozybaev (Petrovsk, Republic of Kazakhstan). E-mail: efforelena@mail.ru

Keywords: Soviet power; Communists; conflict; peasants; prodrazvyorstka; political moods.

The aim of this article is to analyze the changes in the relationship between the state and the peasantry in the context of the implementation of the policy of military communism. The study is based on the documents of the State Archive of the Russian Federation, Russian State Archive of Socio-Political History, the Documentation Center of Modern History of the Omsk region, the works of the leaders of the Soviet government, materials of congresses of the RCP(b), the reports of the party and Soviet authorities and the All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution, Speculation, and Sabotage (Cheka). The article analyzes the social and economic activities of the Bolsheviks in the village and the attitude of the peasantry towards them, and characterizes the specifics of the West Siberian peasantry. The author pays attention to the prosperity, relative homogeneity of the social structure, individualism, enterprise and other objects of exploitation in the countryside – peasant migrants and autochthonous population. Some sources indicate the application of state-legitimized violence, the use of the army and armed detachments of workers, extrajudicial actions for the purpose of withdrawal of food to solve the food crisis in the country, and to establish total control over the rural economy. The article is based on the sources showing a catastrophic decline in the living standards of peasants, the blurring of property distinctions in the countryside, the emotional depression and embitterment of the peasants of Western Siberia as a consequence of prodrazvyorstka (food apportionment). While conducting the research, the author has come to the following conclusions. After the establishment of the power of the Bolsheviks and the introduction of prodrazvyorstka the status of the peasantry changed. The West Siberian peasantry throughout the centuries was an ally of the state in the development of new lands, establishing contacts with other ethnic groups and expanding the borders of Russia. The Bolsheviks declared the prosperous and enterprising Siberian peasantry a social enemy of the dictatorship of the proletariat. Prodrazvyorstka broke the tax system that had functioned in pre-revolutionary Russia, destroyed the traditional social and economic institutions, led to the establishment of state control over the production, disposal and consumption of agricultural products. The ideals of the revolution and the preservation of the dictatorship of the proletariat were the highest goals for the Soviet government. The interests of the Siberian peasantry were sacrificed to the revolution. The Siberian peasants did not refuse to fulfill their obligations to the state, as long as they did not concern their vital interests, principles and forms of the economy organization. In general, the peasants of Siberia did not accept the revolutionary changes of the Bolshevik power. The policy of the state formed a stable opinion among the West Siberian peasantry about Soviet power as an unjust power, the attitude towards the Bolsheviks was characterized by distrust and enmity.

REFERENCES

1. Gospolitizdat. (1953) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. 7th ed. Part 1. Moscow: Gospolitizdat.
2. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1235. List 21. Unit 7. Page 43. (In Russian).
3. Bukharin, N.I. & Preobrazhenskiy, S.E. (1920) *Azbuka kommunizma. Populyarnoe opisanie programmy RKP(b)* [The ABC of Communism. A popular description of the program of the RCP (b)]. Is. 3. Peterburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
4. Lenin, V.I. (1970) *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. 5th ed. Vol. 39. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
5. Russian State Archive of Socio-Political History. (In Russian).
6. Zhizn' Sibiri. (1920) *Sovetskaya vlast' v Sibiri* [Soviet power in Siberia]. *Zhizn' Sibiri*. 1.
7. Documentation Center of Modern History of the Omsk region. (In Russian).
8. Zhurov, Yu.V. (1960) V.I. Lenin o sibirskom krest'yanstve v 1917–1920 gg. [Lenin on the Siberian peasantry in 1917–1920]. *Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. Uchenye zapiski*. 18.
9. *Statistical Yearbook for 1922 and 1923*. 5:8. (In Russian).
10. Shkaratan, O.I. (1970) *Problemy sotsial'noy struktury rabochego klassa SSSR. (Istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie)* [Problems of the social structure of the working class of the USSR. (A historical and sociological study)]. Moscow: Mysl'.
11. Yarov, I.P. (1960) *Pervye kolkhozy Sibiri (1918–1926 gg.)* [The first collective farms of Siberia (1918–1926)]. *Trudy Novosibirskogo instituta inzhenerov vodnogo transporta*. 8.
12. *Sovetskaya Sibir'*. (1921). 34 (403). 16 February.
13. *Sovetskaya Sibir'*. (1920). 37.
14. Bozhenko, L.I. & Gagarin, A.V. (1971) *Sotsial'no-politicheskie organizatsii v sibirskoy derevne (1920–1927 gg.)* [Socio-political organizations in the Siberian village (1920–1927)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Malin, V.N. & Korobov, A.V. (1957) *Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
16. Vvedenskaya, A.G. (1965) *Ekonomicheskoe polozhenie sibirskoy derevni nakanune perekhoda k novoy ekonomicheskoy politike* [The economic situation of the Siberian village on the eve of the transition to a new economic policy]. *Trudy Irkutskogo gos. un-ta im. A.A. Zhdanova. Seriya istoriko-ekonomicheskaya*. XI:2.
17. Tyukavkin, V.G. (1966) *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya* [Siberian village on the eve of October]. Irkutsk: Vost.-Sib. knizh. izd-vo.
18. Kabanov, V.V. (1988) *Krest'yanskoe khozyaystvo v usloviyakh "voennogo kommunizma"* [Peasant farming in the conditions of "military communism"]. Moscow: Nauka.
19. Borisova, L., Danilov, V., Ivinskiy, N. & Kondrashin, V. (1998) *Podschitano na osnove informatsionnykh svodok otdelov gubcheka, opublikovannykh v sbornike dokumentov "Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939": v 4 t.* [Estimated on the basis of infor-

- mation reports of the departments of Gubcheka published in the collection of documents "The Soviet village through the eyes of the Cheka—OGPU—NKVD. 1918–1939": in 4 vols]. Vol. 1: 1918–1922. Moscow: ROSSPEN.
20. Borisova, L., Danilov, V., Ivnitkiy, N. & Kondrashin, V. (1998) *Sovetskaya derevnya glazami VChK—OGPU—NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: v 4 t.* [The Soviet village through the eyes of the Cheka—OGPU—NKVD. 1918–1939. Documents and materials: in 4 vols]. Vol. 1: 1918–1922. Moscow: ROSSPEN.
 21. Zapadovnikova, A.G. (1969) *Bor'ba s kulatskoy kontrrevolyutsiei v Zapadnoy Sibiri v period perekhoda ot grazhdanskoj vojny k mirnomu sotsialisticheskomu stroitel'stvu (1920–1922 gg.)* [The struggle against the kulak counter-revolution in Western Siberia during the transition from the Civil War to peaceful socialist construction (1920–1922)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
 22. Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A. & Sagaydachyy, A. (1983) *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri (1914–1917 gg.). Khronika i istoriografiya* [The peasant movement in Siberia (1914–1917). Chronicle and historiography]. Novosibirsk: Nauka.
 23. Shishkin, V.I. (1977) *Prodarmiya Sibiri (1920 – nachalo 1921 gg.)* [The food army of Siberia (1920 – early 1921)]. In: Gushchin, N.Ya. (ed.) *Problemy istorii sovetskoy sibirskoy derevni* [Problems of the history of the Soviet Siberian village]. Novosibirsk: Nauka.
 24. Galkina, T.I. (1960) *Rol' prodovol'stvennykh otryadov v Omskoy gubernii v razreshenii prodovol'stvennogo krizisa Sovetskoy respubliki (1920–1921 gg.)* [The role of food detachments in Omsk Province in resolving the food crisis of the Soviet Republic (1920–1921)]. Omsk: Omsk Agricultural Institute n.a. S.M. Kirov.
 25. Zhurov, Yu.V. (1977) *Sotsial'naya struktura sibirskogo krest'yanstva v gody revolyutsii i grazhdanskoj vojny (1917–1920 gg.)* [The social structure of the Siberian peasantry during the years of the Revolution and the Civil War (1917–1920)]. In: Gushchin, N.Ya. (ed.) *Problemy istorii sovetskoy sibirskoy derevni* [Problems of the history of the Soviet Siberian village]. Novosibirsk: Nauka.
 26. Pivovarov, M.S. (2007) *Revolutsionnye tribuny v Sibiri (noyabr' 1919 – yanvar' 1923)* [Revolutionary tribunals in Siberia (November 1919 – January 1923)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
 27. Gosizdat. (1920) *Pochemu izdan dekret o Sibirskom khlebe* [Why a decree on Siberian bread was issued]. Omsk: Gosizdat.
 28. *Izvestiya Tyumenskogo gubernskogo revolyutsionnogo komiteta i gubkoma RKP (b)*. (1920). 266. pp. 2.
 29. Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (1959) *Dekret SNK ob iz'yatii khlebykh izlishkov v Sibiri* [Decree of the SNK on the seizure of grain surplus in Siberia]. In: *Sibirskiy Revolyutsionnyy komitet (Sibrevkom) (avgust 1919 – dekabr' 1925 g.)* [Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom) (August 1919 – December 1925)]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
 30. Vishnevskiy, N.M. (1922) *Statistika i sel'skokhozyaystvennaya deystvitel'nost'* [Statistics and the agricultural reality]. Moscow: Tipo-litografiya MSNKh "Mospoltgraf".
 31. Narkomprod. (ed.) (1922) *Chetyre goda prodovol'stvennoy raboty. Stat'i i otchetnye materialy* [Four years of food work. Articles and materials]. Moscow: Gos. izd-vo.

Received: 26 August 2017